

Прогулки

1862, источник: [здесь](#)

Мне бы хотелось сказать несколько слов в защиту нетронутой Природы и абсолютной свободы, которые столь отличны от природы, освоенной человеком, и от свободы гражданского состояния. Я бы хотел взглянуть на человека как на обитателя Природы и ее неотъемлемую часть, а не как на члена общества. Мне бы хотелось сделать чрезвычайное сообщение, с тем чтобы привлечь к нему внимание, – ведь у цивилизованной жизни так много защитников: проповедники, члены школьных комитетов да и любой из вас.

За всю свою жизнь я не встретил и двух людей, которые понимали бы толк в хождении пешком, иначе говоря, в прогулках, людей, у которых был бы талант к бродяжничеству (sauntering). Слово это имеет интересное происхождение, В средние века люди бродили по всей стране и просили подаяние под тем предлогом, что они идут а la Sainte terre, в Святую землю. Дети кричали им вслед: «Вот идет Sainte-Terrer («святоземелец»»». Те, кто в своих прогулках никогда не направляется в Святую землю – пусть они и утверждают обратное, – и есть настоящие бродяги и бездельники. Действительные любители прогулок в хорошем смысле этого слова – это те, кто туда направляется. Однако некоторые считают, что слово это происходит от sans terre¹, то есть «без пристанища». Следовательно, оно имеет положительный оттенок и означает не имеющий определенного дома, но везде чувствующий себя как дома». А именно в этом и заключается смысл неспешного хождения пешком. Тот, кто все время сидит без движения дома, может быть самым настоящим бродягой, но любитель прогулок в хорошем смысле слова – не больше бродяга, чем извилистая река, которая упорно ищет кратчайшего пути к морю. Мне больше по душе первая версия. Она более убедительна, поскольку каждая прогулка – нечто вроде крестового похода. Сидящий в нас Петр-отшельник велит нам идти вперед и отвоевывать эту Святую землю у неверных.

¹ без земли (франц.).

Правда, все мы – робкие ходоки, даже те из нас, кто любит ходить пешком: ныне мы уже не отваживаемся на бесконечные, изнурительные походы. Наши походы – всего лишь вылазки. К вечеру мы возвращаемся домой, к камельку, туда, откуда вышли утром, причем половину пути мы проходим обратно по своим собственным следам. Пусть наш путь не будет долог, но мы должны идти вперед, исполненные духа вечного приключения, готовые к тому, чтобы никогда не возвращаться. Тогда после нашей смерти безутешные родственники получили бы в качестве реликвии наши забальзамированные сердца. Если вы готовы оставить отца и мать, брата и сестру, жену, детей, друзей и никогда их больше не видеть, если вы заплатили долги и сделали завещание, привели в порядок дела и стали свободны – тогда вы готовы для прогулки.

Переходя к себе, скажу, что я и мой спутник (у меня иногда бывает спутник) любим воображать себя рыцарями какого-то нового (или скорее древнего) ордена – не седоков, наездников, конников или всадников, но тех, кто ходит пешком. Это, на мой взгляд, гораздо более древний и почетный орден. Дух рыцарства и героизма, который некогда отличал всадников, теперь, похоже, нашел другое обиталище и поселился в груди не странствующего рыцаря, а пешего странника. Он, так сказать, представляет собой четвертое сословие – после церкви, государства и народа.

Мы сознаем, что в наших краях, пожалуй, больше никто не упражняется в этом благородном искусстве, хотя большинство жителей городка были бы рады ходить пешком, как и я – так они по крайней мере говорят, – но, в сущности, они просто на это не способны. Ни за какие деньги не купишь необходимые для этого свободу, досуг и независимость, которые составляют капитал тех, кто принадлежит к этому ордену. Он ниспослан нам свыше. Чтобы стать его членом, требуется особая милость божия. Нужно родиться в семье Ходоков. *Ambulator nascitur, non fit.* [Ходоками рождаются, а не становятся (лат.)] Некоторые из моих соседей рассказывали мне о прогулках, которые они предприняли лет десять тому назад, когда им посчастливилось на полчаса потеряться в лесу. Но я-то знаю, что с тех пор они ходят только по дороге, хоть и пытаются представить себя членами этого избранного общества. На мгновение они, несомненно, приобщились к нему как бы силой воспоминания о предшествующем своем существовании, когда даже они были жителями лесов и разбойниками.

“ Пришел веселым утром он В густой зеленый бор, И птиц лесных услышал он Веселый разговор. И молвил Робин: «Мне давно Здесь не случилось быть, Я лань пятнистую хочу Сегодня подстрелить». 1

1 Здесь и далее переводы стихов принадлежат Т. В. Олейник.

Я думаю, что не смогу сохранить здоровье и бодрость духа, если не буду каждый день часа по четыре, а то и больше, бродить по лесу, по холмам и полям, совершенно забыв о земных делах. Вы можете легко застать меня врасплох, спросив, о чем я так глубоко задумался. Как вспомню, что продавцы и мастеровые проводят в закрытом помещении не только все утро, но и весь день, сидят, скрестив ноги – словно ноги для того и даны нам, чтобы на них сидеть, а не стоять или ходить, – мне становится ясно, что всем им нужно воздать должное за то, что они до сих пор не лишили себя жизни.

Я не могу просидеть в комнате целый день, иначе я обрасту мхом. И если иногда я выбираюсь из дома часу в одиннадцатом, а то и в четыре, когда вечерние тени уже ложатся на землю и день, считай, уже пропал, у меня возникает такое чувство, словно я совершил грех, который нужно замаливать. Признаюсь, меня удивляет терпение и моральная бесчувственность моих соседей, которые целый день не покидают контор и лавок, и так в течение недель и месяцев, а то и лет. Сидеть там в три часа дня, как если бы было три часа ночи, – не понимаю, из какого теста они сделаны? Бонапарт, кажется, говорил о «мужестве в три часа ночи». Но сравнится ли оно с мужеством человека, который в три часа дня пытается – во вред самому себе – заставить обитателей целого поселка, к которым он

испытывает глубокое сочувствие, выйти на свежий воздух?

Я удивляюсь, почему в это время или между четырьмя и пятью часами пополудни, когда слишком поздно для утренних газет и рано для вечерних, не раздастся взрыв, слышный во всех концах города, взрыв, который разметал бы по ветру легион доморощенных индеек и устаревших правил, чтобы они проветрились на солнышке. Это могло бы поправить дело.

Женщины выходят из дома еще реже, чем мужчины. Но как они это выдерживают, уму непостижимо. Однако у меня есть основания предполагать, что выдерживать им и не приходится. Как-то летом, вскоре после полудня, когда мы, отряхивая пыль с платья, торопливо проходили мимо домов с дорическими колоннами или готическими фасадами, которые так и дышат спокойствием, мой спутник шепотом заметил, что все их обитатели, должно быть, только что отошли ко сну. Я ценю красоту и величие зданий именно потому, что сами они никогда не спят, но держатся прямо и горделиво, сторожа сон своих обитателей.

Темперамент и возраст играют, конечно, большую роль. Но по мере того, как человек стареет, возрастает и его способность подолгу сидеть без движения и заниматься делами, не выходя из дома. На склоне лет он привыкает к вечернему образу жизни, но перед самым закатом спохватывается и выходит на прогулку, на что ему требуется не более получаса.

Прогулки, о которых я веду речь, не имеют ничего общего с тем, что называют моционом, с процедурой принятия лекарств в определенные часы или упражнения с гантелями или стульями. Они сами по себе и приключение и деловое предприятие. Если вы хотите размяться, идите на поиски родников жизни. Подумать только, что ради укрепления здоровья люди занимаются с гантелями вместо того, чтобы искать эти родники на неведомых им пастбищах!

Кроме того, во время прогулок, размышляя на ходу, мы, должно быть, чем-то напоминаем верблюда, который, как известно, является единственным животным, на ходу жующим жвачку. Когда некий путешественник попросил служанку Вордсворта показать ему кабинет хозяина, она ответила: «Вот его библиотека, а кабинет его – природа». Жизнь на природе, открытая солнцу и ветру, непременно отразится на характере человека, он закалится, станет резче, грубее. Так обветривается лицо и грубеют руки от тяжелой работы, теряя прежнюю способность осязания. И наоборот, жизнь среди четырех стен сообщает коже гладкость и мягкость, истончает ее, что сопровождается повышенной чувствительностью к некоторым внешним воздействиям. Возможно, мы легче поддавались бы влияниям, важным для нашего интеллектуального и нравственного развития, если бы меньше подставляли себя солнцу и ветру. Несомненно, очень трудно рассчитать необходимую пропорцию грубой и тонкой кожи. Но думается, что это лишь корка, которая скоро отвалится, и что природное лекарство следует искать в соотношении ночи и дня, зимы и лета, мысли и опыта. Тогда в наших мыслях будет больше воздуха и света. Мозолистые ладони рабочего вызывают больше уважения к себе и больше согласуются с представлением о героизме, чем вялые пальцы бездельника. Валяться днем в постели, любясь своей нежной кожей, на которой нет ни загара, ни мозолей, добытых опытом, может лишь глупая сентиментальность.

Чтобы походить пешком, мы обычно отправляемся в лес или поле. А что было бы, если бы мы гуляли только в саду или на променаде? Даже некоторые философские секты считали необходимым, чтобы лес был доставлен к их порогу, так как сами они в лес не ходили. «Они сажали рощи и аллеи платанов», где на открытых галереях совершали *subdi-ales ambulationes*¹. Конечно, нет смысла направлять стопы в лес, если самим не следовать туда же. Мне становится не по себе, если я прохожу мимо по лесу, а душа моя не следует за телом, как иногда случается. Во время дневной прогулки я обычно забываю все утренние дела и обязанности по отношению к обществу. Но порой бывает так, что я не могу выкинуть из головы поселок. Мысль о каком-нибудь деле не покидает меня, при этом тело пребывает в одном месте, а душа – в другом, и я теряю душевное здоровье. Во время прогулки я возвращаю его. Зачем гулять по лесу, если думаешь о чем-то постороннем? Я начинаю сомневаться в самом себе, и меня даже охватывает дрожь, когда я обнаруживаю, как глубоко вовлечен в то, что называют «хорошими делами», а это иногда со мной случается.

1 прогулки под открытым небом (лат.,).

Здесь поблизости много хороших тропинок для прогулок, и, хотя многие годы я ходил пешком почти каждый день, а иногда по нескольку дней кряду, я еще не исходил их все. Какое счастье пройти совсем новым путем! И я могу сделать это в любой полдень. Через два – три часа ходьбы я окажусь в совершенно незнакомой местности. Одиноким фермерский дом, которого я еще не видел, иногда столь же интересен и нов, как владения короля Дагомеи. По сути дела, можно обнаружить некоторое соответствие между возможностями, которые заключает в себе пейзаж окружностью радиусом десять миль (а именно столько можно пройти за одну прогулку), и возможностями, которые заключены в семидесяти годах человеческой жизни: и то и другое невозможно постичь до конца.

В наше время почти все так называемые улучшения – строительство домов, порубки лесов и уничтожение всех больших деревьев – уродуют пейзаж, делают его все менее диким и таинственным. Есть ли такой народ, который, принявшись жечь изгороди, не уничтожил бы и леса? Я видел наполовину сгнивший забор, потерявшийся посреди прерий, и какого-то скупердяя, который вместе с землемером проверял границы своих земельных владений. Хотя вокруг него простиралась небесная красота, он не видел ангелов, летавших совсем рядом, но искал ямку от колышка посреди рая. Я взглянул снова и увидел, что он стоит посреди стигийского болота в окружении бесов. Он, конечно, нашел границу своего участка – три камешка на том месте, где в землю был забит кол. Приглядевшись, я увидел, что землемером при нем был сам Принц Тьмы.

Я с легкостью могу пройти десять, пятнадцать, двадцать миль или больше, начиная от моего порога, и при этом путь мой будет лежать вдали от домов и не пересечет дороги, разве что в тех местах, где переходят ее лиса или горностаи. Сначала я иду вдоль берега реки, затем ручейка, затем по лугу к лесу. Поблизости есть участки в несколько квадратных миль, где никто не живет. Я взбираюсь на пригорки, откуда открывается вид на цивилизацию и виднеющиеся вдали человеческие жилища. Сурки и их норы видны ничуть не хуже, чем фермеры и их постройки. Человек и его дела, церковь и государство, школа и торговля, промышленность и сельское хозяйство, даже политика, внушающая наибольшую тревогу, – все они занимают так мало места в природе, и это приятно. Политика – всего

лишь узкая полоска поля, и к ней ведет еще более узкая дорога, вон там, вдали. Я иногда направляю туда путника. Если вы хотите заняться политикой, идите по проезжей дороге, вслед за этим человеком, направляющимся на рынок, и пусть пыль с его башмаков слепит вам глаза. Вы придете прямо к цели. Политика ведь тоже имеет свое место, она не вездесуща. Я перехожу от нее к другим вещам, как я перехожу с бобового поля в лес, и забываю ее. За полчаса я могу удалиться в такую часть земной поверхности, где человек не обитает постоянно, там соответственно нет и политических убеждений, которые подобны сигарному дыму.

Поселок – это место, куда ведут все пути, что-то вроде расширения большой дороги, подобно озеру, образуемому рекой. Он похож на туловище, а дороги – его руки и ноги. Это место обыденное, дважды обыденное, вроде таверны на пути следования путников. Слово это происходит от латинского *villa*, которое вместе с *via* (путь) или с более ранним вариантом *ved* и *vella* Варрон выводит из *veho* (нести), так как *villa* – это место, куда что-то носят или откуда выносят. О тех, кто добывает себе средства на жизнь артельной работой, говорили, что они *vellaturam facere*¹. Отсюда же, очевидно, происходит латинское *vilis* и наше «подлый», «низкий», а также «виллан». Оно содержит указание на ту печальную судьбу, которая может постигнуть обитателей наших поселков. Они измучены постоянным движением, происходящим вокруг них, причем сами они не двигаются с места.

¹ совершают перевозку (лат.).

Одни вообще не ходят пешком, другие ходят только по дорогам, третьи ходят по своим участкам. Дороги проложены для лошадей и деловых людей. Я по ним путешествую сравнительно мало, поскольку не тороплюсь попасть в таверну или бакалейную лавку, на извозничий двор или железнодорожную станцию, к которым они ведут. Я люблю бежать рысцой, но без упряжки и не по торным дорогам. Пейзажист рисует фигурки людей, чтобы обозначить дорогу. Мою фигуру ему не удастся использовать подобным образом. Я хожу по такой Природе, где бродили древние пророки и поэты – Ману, Моисей, Гомер, Чосер. Можете назвать ее Америкой, но это не Америка: ее открыл не Америго Веспуччи, не Колумб, не кто-либо другой. Гораздо лучшее описание ее можно найти в мифологии, чем в любой так называемой истории Америки, какую мне приходилось читать.

Существует, однако, несколько старых дорог, которые теперь никуда не ведут и по которым можно пройти не без пользы. Например, Мальборо-роуд, которая, кажется, больше не ведет в Мальборо, разве что место, куда я направляюсь, называется Мальборо. Я беру на себя смелость говорить так, потому что в каждом городе, вероятно, есть одна или две такие дороги.

“ Старая дорога на Мальборо
Здесь богатства искали —
Не находили,
Здесь когда-то бродили
И Марциал Майлз,
И Элиа Вуд —

Напрасный труд:
Не похож на прочих людей
Элис Дуган.
Он хозяин полей,
Сосед птиц и зверей,
Он ставит силки и живет,
Не зная иных забот.
Он нелюдим,
Он всегда один,
И по нраву ему
Жизнь такая.
И когда я
Жажду странствий узнаю,
То на старый путь
Захочу свернуть.
Мальборо-путь,
Стертый камень твой
Не меняли ни разу,
Ты – тот путь земной,
По библейской фразе,
По молве христианской,
И безлюдно тут,
Здесь лишь гости пройдут
Королевы ирландской.
Что же это за путь —
Лишь начало пути
И возможность уйти
Нам куда-нибудь?
Ряд дорожных столбов,
Но пустынен путь.
Кенотафии городов —
На них стоит взглянуть,
Чтобы понять,
Чем бы мог ты стать.
Интересуюсь и я иногда,
Какой король,
Что и когда
Возвести приказал,
Кто проект утверждал:
Горгес, Дарби,
Кларк или Ли?
Они желали
На суд потомков
Каменных глыб
Оставить обломки.

Здесь путник однажды вздохнет,
Все точно
Запечатлеет одною строчкой —
Кто-то прочтет.
Я знаю только одну две фразы,
Которые сразу
Признает искусством любой.
Подобные строчки мы
Помним до самой зимы
И снова читаем весной,
Задолго до лета.
И если проснется мечта —
Встанешь ты на пороге,
И пойдешь вокруг света
По старой дороге,
По старой дороге на Мальборо.

***

В настоящее время большая часть земли в нашей округе не является частной собственностью. Ландшафт никому не принадлежит, и путник наслаждается им почти без помех. Но может прийти день, когда он будет разбит на так называемые зоны отдыха, где будут получать удовольствие лишь немногие избранные; расплодятся изгороди, ловушки и другие приспособления, созданные для того, чтобы помешать путнику сойти с общественной дороги. Тогда ходить по поверхности мира божьего будет равносильно посягательству на собственность какого-нибудь джентльмена. Иметь исключительное право на вещь означает, по сути дела, невозможность насладиться ею вполне. Так авайте же использовать все наши возможности, прежде чем настанут мрачные времена.

Отчего так трудно бывает подчас решить, куда пойти на прогулку? Я верю, в Природе существует неуловимый магнетизм, и, если бессознательно подчиниться его власти, он даст нам верное направление. Совсем не все равно, где гулять. Существует верный путь, но по глупости и легкомыслию мы избираем ложный. Мы готовы идти той тропой, которой никогда не шли в действительности, но которая символизирует наш путь в мире идеальном и духовном. Иногда бывает трудно выбрать направление, поскольку оно еще четко не определилось в нашем сознании.

Когда я выхожу на прогулку, не зная еще, куда направить путь, и отдаюсь на волю инстинкта, я обнаруживаю – как это ни кажется странным и необычным, – что в конце концов неизбежно держу путь на юго-запад, в сторону какого-нибудь определенного леса или луга или заброшенного пастбища или холма. Стрелка моего компаса долго не может остановиться, отклоняется на несколько делений в ту и другую сторону. Она, правда, не всегда показывает точно на юго-запад, на что есть своя причина. Там для меня лежит будущее. Земля в той стороне кажется девственнее и обильнее. Мой путь во время прогулки представляет собой не круг, а параболу или, пожалуй, напоминает путь кометы, летящей,

как полагают, по незамкнутой кривой. В моем случае эта кривая уходит в сторону запада, а место солнца в схеме моих путешествий занимает дом. Иногда я с четверть часа топчусь на месте в нерешительности, пока не решаю в тысячный раз отправиться на юго-запад или запад. На восток я заставляю себя идти усилием воли, на запад же иду без принуждения. У меня там нет никакого ела. Мне не верится, что на востоке за линией горизонта я найду красивые пейзажи, относительно дикие места и свободу. Прогулка в том направлении меня не вдохновляет. Но я верю, что лес, виднеющийся у линии горизонта на западе, тянется до самого заката, что в нем нет сколько-нибудь значительных городов или поселков, которые встали бы на моем пути. Дайте мне жить там, где мне хочется. Пусть с одной стороны будет город, а с другой – дикая природа. Я все чаще ухожу из города и удаляюсь на природу. Я не говорил бы об этом так много, если бы не одно обстоятельство: мне кажется, нечто в этом роде стало господствующей тенденцией среди моих сограждан. Я должен идти в сторону Орегона, а не Европы. В этом направлении движется сейчас Америка. Я могу сказать, что с востока на запад ведут и пути развития человечества. В течение нескольких лет мы стали свидетелями такого явления, как миграция австралийского населения на юго-восток при заселении Австралии. Но нам это кажется движением вспять. Физические и моральные качества первого поколения австралийцев не позволяют считать этот эксперимент успешным. Восточные племена верят, что на запад от Тибета ничего нет. Они говорят: «Там конец света. За Тибетом нет ничего, кроме безбрежного моря». Они живут в мире абсолютного Востока.

Мы направляемся к востоку, чтобы понять историю и изучить произведения искусства и литературы, повторяя при этом путь, пройденный нашими предками, но в обратном направлении. На запад мы идем, как в будущее, чувствуя себя отважными искателями приключений. Атлантический океан для нас подобен Лете: переплыв через него, мы имели возможность забыть Старый Свет и его институты. Если на этот раз нам это не удастся, у нашей расы станет еще один шанс, прежде чем она достигнет берегов Стикса: у нас есть еще Лета Тихого океана, которая в три раза шире.

Не знаю, насколько это необычно и насколько важно, чтобы отдельный человек таким образом согласовывал даже кратчайшую свою прогулку с общим направлением, в котором движется раса, но знаю, что нечто сходное с инстинктом, управляющим передвижением птиц и четвероногих (а известны случаи, когда этот инстинкт таинственным образом определял поведение белок, заставляя их двигаться в одном направлении; видели, как несколько белок переправлялись через самые широкие реки, причем каждая сидела на отдельном бревнышке, а хвост служил ей парусом; через более узкие речки они наводили переправы из тел мертвых белок), нечто похожее на безумие, охватывающее домашний скот весной (этот факт объясняют появлением у него глистов), влияет и на передвижение отдельных людей и народов, постоянно или время от времени. Над нашим городком не слышно гогота пролетающих диких гусей, и это в какой-то степени понижает стоимость наших участков; если бы я был агентом по продаже недвижимости, я, возможно, учел бы этот недостаток.

“ В паломники тогда идти хотел любой, Все грезили в те дни неведомой землей.

Каждый закат, которым я люблю, вселяет в меня желание идти на запад – такой же далекий и прекрасный, как тот, в который садится солнце. Оно передвигается на запад ежедневно и, похоже, подвергает нас искушению следовать за ним. Это Великий Покоритель Запада, пионер, за которым следует нация. Каждую ночь мы видим во сне горные епи на горизонте (пусть это будет только туман), которые последние лучи солнца окрашивают в золото. Остров Атлантида, острова и сады Гесперид, эти уголки земного рая, по-видимому, были для древних Великим Западом, окутанным дымкой тайны и поэзии. Кто, глядя на закатное небо, не рисовал в своем воображении сады Гесперид и то, что послужило основанием для всех этих легенд?

Колумб сильнее, чем кто-либо до него, ощутил эту тенденцию двигаться на запад. Он подчинился ей и открыл Новый Свет для Кастилии и Леона. В те времена людские стада издали чуяли запах свежих пастбищ.

“ Когда ж погас, отпламенев, закат
И солнце в море рухнуло отвесно,
Он встал и, синий плащ надев, исчез:
С утра ему опять в луга и в лес.¹

1 Перевод Ю. Б. Корнеева.

Где еще на земле найдется место, равное по площади Соединенным Штатам, столь же плодородное, богатое, с такой разнообразной и богатой природой и в то же время столь пригодное для жизни европейцев, как это? Мишо, который побывал лишь в некоторых штатах, говорил: « В Северной Америке гораздо больше видов крупных деревьев, чем в Европе. В Соединенных Штатах около ста сорока видов деревьев достигают более тридцати футов в высоту, а во Франции такой высоты достигают не более тридцати видов». Позже ботаники дали более чем исчерпывающее подтверждение его словам. Гумбольдт приехал в Америку, надеясь осуществить свою юношескую мечту – увидеть тропическую растительность. И он увидел ее величайшее совершенство в первобытных лесах долины Амазонки, этого амого обширного оазиса дикой природы на земле, который он столь блестяще описал. Географ Гюйо, европеец по происхождению, пошел даже дальше, чем я готов за ним следовать. Последнее, однако, не относится к его словам: «Так же как растение создано для животного, а растительный мир – для животного мира, так и Америка создана для обитателя Старого Света... Вот обитатель Старого Света отправляется в путь. Он спускается с гор Азии и, делая остановки в пути, движется в сторону Европы. Каждый его шаг знаменует собой новую цивилизацию, более высокую и развитую, чем предшествующая. Достигнув берегов Атлантики, он останавливается перед неизвестным ему океаном, простирающимся в неведомую даль, и поворачивает временно вспять». Когда он истощил богатые почвы Европы и укрепил свои силы, «тогда он снова начинает полный приключений путь на запад, как делал в прежние времена». Так писал Гюйо.

Эта тяга на запад, которая натолкнулась на преграду в виде Атлантического океана, породила смелость и предприимчивость, присущие торговле в современном мире. Молодой Мишо в «Путешествии на Запад от Аллеганских гор» в 1802 году пишет, что самым обычным

среди жителей только что заселенных территорий Запада был вопрос: «Из какой части света вы приехали?» Эти необозримые плодородные районы, естественно, казались тем местом, где должны были встретиться и основать свое государство жители всего мира.

Перефразируя старое латинское выражение, я мог бы сказать так: «Ex Oriente lux, ex Occidente FRUX» – «Свет с Востока, плоды с Запада».

Английский путешественник, генерал-губернатор Канады сэр Фрэнсис Хед говорил нам, что «как в северном, так и в южном полушарии Нового Света Природа не только придала своим творениям большую грандиозность, но и окрасила мир в более яркие и богатые тона, чем она использовала, рисуя картину Старого Света... Небосвод тут бесконечно выше, небо голубее, воздух свежее, мороз крепче, луна кажется больше, звезды чище, гром громче, молния ярче, ветер порывистее, дождь сильнее, горы выше, реки длиннее, леса необъятнее, долины шире». Это высказывание интересно уже тем, что его можно сопоставить с описанием природы в этой части света, данным Бюффоном.

Некогда Линней сказал: «Nescio quae facies laeta, glabra, plantis Americanis» («Я не знаю, почему растения в Америке такие радостные и гладкие»). Думаю, в нашей стране нет или очень мало *Africanae bestiae*, или африканских диких зверей, как называли их римляне, и в этом отношении она также чрезвычайно подходит для жизни человека. Говорят, в радиусе трех миль от центра ост-индского города Сингапур несколько человек ежегодно становятся жертвами нападения тигров, а в Северной Америке везде путешественник может спокойно спать в лесу, не опасаясь диких зверей.

Все это весьма вдохновляющие свидетельства. Если луна здесь больше, чем в Европе, возможно, и солнце тоже больше. То, что небосвод в Америке кажется бесконечно выше, а звезды ярче, представляется мне символичным: эти факты указывают, на какую высоту могут в один прекрасный день подняться философия, поэзия и религия ее жителей. Со временем, пожалуй, духовный небосвод тоже покажется американскому уму гораздо выше, а загорающиеся на нем звезды благих вестей – гораздо ярче, поскольку я верю, что климат влияет на человека именно так: в горном воздухе есть нечто, что вдохновляет и возвышает дух. Разве в такой атмосфере человек не достигнет большего

интеллектуального и физического совершенства? И разве не имеет значения, сколько в его жизни будет облачных дней? Я надеюсь, наше воображение будет богаче, свежее и воздушнее, как наше небо; наш разум – более разносторонним и широким, как наши равнины; наш интеллект – более могучим, как наши гром и молния, наши реки, горы и леса; а наши души своим величием, глубиной и широтой всегда будут напоминать наши внутренние моря. Путешественнику может показаться, что даже в лицах наших есть некие неуловимые *laeta* и *glabra*, довольство и безмятежность. И если все это не так, то зачем мир продолжает существовать, зачем тогда была открыта Америка? Мне вряд ли нужно напоминать американцам, что

Звезда империи ведет ее на запад.

Мне, как патриоту, негоже думать, что Адаму в раю было в целом лучше, чем обитателю лесной глуши – в Америке.

Мы, жители Массачусетса, отдали свои сердца не только Новой Англии. Мы, возможно, далеки от юга, но с сочувствием относимся к Западу. Там дом наших младших сыновей. Молодые викинги так же уходили в море за наследством. Сейчас поздно садиться за изучение древнееврейского, важнее научиться понимать жаргон сегодняшнего дня.

Несколько месяцев назад я отправился посмотреть панораму Рейна. Это было похоже на сон: мне казалось, что я очутился в средневековье и плыву вниз по этой исторической реке, да не в воображении, а наяву проплываю под мостами, построенными еще римлянами и восстановленными в более поздние, героические времена; плыл мимо городов и замков, самые названия которых звучали музыкой для моих ушей. Каждый из них был темой для легенды: Эренбрейтштейн, Роландсек, Кобленц, о которых я знал только из истории. Меня интересовали главным образом руины. От рек и долин, от увитых хмелем холмов доносилась, казалось, тихая музыка, как будто крестоносцы отправлялись в Святую землю. Я плыл дальше, как зачарованный. Я будто перенесся в героическую эпоху рыцарства и дышал этим воздухом.

Вскоре после этого я пошел взглянуть на панораму современной Миссисипи, и по мере того, как мой взгляд поднимался вверх по реке, я видел пароходы, идущие вверх по течению, считал растущие города, долго смотрел на свежие развалины Науву, видел, как индейцы переправлялись через реку на запад, и как я раньше смотрел на реку Мозель, так теперь смотрел на Огайо и Миссури, слышал легенды Дюбука и Венонских скал и думал больше о будущем, чем о прошлом и настоящем. Я видел, что это другой Рейн, что укрепления замков еще только предстоит построить, а знаменитые мосты предстоит перебросить через реку, и я почувствовал, что, хотя мы этого и не осознаем, наше время – это героический век, потому что героями обычно бывают самые простые и скромные из людей.

Когда я говорю «Запад», я имею в виду дикую природу. А теперь я подошел наконец к своей главной мысли: сохранение нашего мира зависит от того, сохраним ли мы дикую природу. Каждое дерево посылает свои живые ткани в поисках этой природы. Города ввозят ее и платят за нее любую цену. В поисках ее люди бороздят океаны. В лесах, в диких местах добывают лекарства и травы, которые повышают наш тонус. Наши предки были дикарями. История о Ромуле и Реме, вскормленных волчицей, – не просто фантастическая легенда. Основатели каждого государства, которое достигло могущества, впитывали живительную силу из подобного источника, близкого дикой природе.

Сыны империи были покорены и рассеяны по миру сынами северных лесов именно потому, что в отличие от них не были вскормлены волчицей.

Я верю в леса, в луга, в ночь, когда растет хлеб. Нам необходимо добавлять в чай хвою тсуги и ели. Пить и есть для восстановления сил – не то же самое, что есть и пить обжорства ради. Готтентоты с удовольствием высасывают мозг из костей только что убитой антилопы-куду, и им это кажется вполне естественным. Некоторые племена индейцев, живущие на севере, едят сырое мясо северного оленя, костный мозг, а также верхнюю, нежную часть

рогов. Здесь они дают сто очков вперед парижским поварам. Они едят то, что другие обычно выбрасывают. Это все же лучше, чем питаться говядиной или свининой из убоины, – человек получается лучше. Я стою за дикость, перед которой бледнеет любое цивилизованное общество. Если бы мы могли питаться мясом антилопы-куду...

В лесу есть места, куда с разных сторон доносится пение дроздов. Вот куда я хотел бы перебраться. Это дикая местность, не занятая еще никакими переселенцами. Я в ней, кажется, уже акклиматизировался.

Камминг, охотившийся в Африке, сообщает нам, что шкура только что убитой южноафриканской антилопы – как и многих других видов антилоп – издает удивительно приятный запах травы и деревьев. Хотелось бы, чтобы каждый человек походил на дикую антилопу, чтобы он был частью природы и сама его персона уже уведомляла наши чувства о его присутствии и напоминала бы о тех местах, где он чаще всего бывает. У меня нет желания посмеяться над охотником, чья одежда пахнет ондатрой. Для меня этот запах приятнее, чем тот, что исходит от одежды торговца или ученого. Когда я открываю гардероб и касаюсь платья, у меня не возникает воспоминаний о луговых цветах и травах, по которым они ходили. Оно скорее напоминает мне о пыли бирж и библиотек.

Загорелая кожа вызывает не просто уважение: человеку, живущему в лесу, гораздо больше подходит смуглый цвет, чем белый. «Этот бледнолицый человек!» Неудивительно, что африканцы его жалели. Дарвин-натуралист писал: «Белый человек, купавшийся рядом с таитянином, выглядел точно бледное, возвращенное искусством садовника растение по сравнению с прекрасным темно-зеленым растением, буйно разросшимся в открытом поле».

Бен Джонсон восклицал: «Все то добро, что истинно прекрасно!» Я же скажу так: «Все то добро, что истинно природной Жизнь и дикая природа неотделимы друг от друга. Самое жизненное и есть самое неукротимое, еще не подчинившееся человеку, дающее ему новые силы. Тот, кто всегда стремится вперед и не ищет отдыха от трудов своих, кто быстро развивается и все большего требует от жизни, всегда будет начинать свой день в новой стране или в диком месте, а вокруг него будет сырой материал, из которого возникает жизнь. Он будет пробираться через поверженные стволы деревьев первобытного леса.

Надежда и будущее ассоциируются для меня не с обработанными полями и лужайками, не с городами, а с непроходимыми топями и болотами. Когда я задумывался над тем, что мне нравилось в ферме, которую собирался купить, я обнаруживал, что каждый раз меня привлекало лишь одно – несколько квадратных метров непроходимого болота, того естественного стока, который находился на краю участка. Оно-то и было тем самым алмазом, который ослеплял меня. Я получаю больше средств к существованию от болот, окружающих мой родной город, чем от садов, растущих в поселке. Для меня нет богаче цветника, чем густые заросли карликовой андромеды (*Cassandra calyculata*), которые покрывают эти нежные места на поверхности земли. Ботаника дает лишь названия кустарников – голубика, метельчатая андромеда, кальмия, азалия, рододендрон, – которые растут среди колышавшегося торфяного мха. Я часто думаю: хорошо бы, чтобы окно моего дома выходило на эти разросшиеся кустарники, а не на цветочные клумбы или бордюры, пересаженную ель и аккуратно подстриженный самшит или даже посыпанные гравием

дорожки; хорошо бы видеть из окон этот плодородный участок, а не кучи земли, привезенной для того, чтобы прикрыть песок, вынутый из-под дома во время рытья погреба. Почему бы не поставить мой дом, мою гостиную позади этого участка, а не за тем скудным набором диковинок, той жалкой апологией Природы и Искусства, которую я называю палисадником? Совсем непросто все убрать и привести в порядок после того, как ушли плотник и каменщик, которые потрудились, чтобы было приятно и жильцу, и прохожему. Я никогда не находил удовольствия в том, чтобы рассматривать даже самую изящную загородку перед палисадником. Мне скоро надоедали и начинали меня раздражать хитроумные узоры решеток с шишечками и прочими штукovinaми в виде наверхий. Ставьте порог на самом краю болота – хоть это и не самое подходящее место, где можно выкопать сухой погреб, – так, чтобы соседи не могли попасть к вам в дом с той стороны. Палисадники делают не для того, чтобы в них гулять, а в основном для того, чтобы через них проходить, но войти в них можно и через задний двор.

Конечно, вы можете решить, что я ненормальный упрямец, но все-таки, если бы мне предложили жить по соседству с самым прекрасным в мире садом, когда-либо созданным человеческим искусством, или же рядом с гиблым болотом, я наверняка выбрал бы болото. А значит, и все труды ваши, дорогие сограждане, представляются мне совершенно напрасными!

Мое настроение неизменно поднимается в соответствии с внешней мрачностью. Мне бы жить рядом с океаном, пустыней или дикой природой. В пустыне чистый воздух и безлюдие компенсируют недостаток влаги и бесплодие почвы. Бертон в путевых записках отмечает: «Ваш моральный дух повышается, вы становитесь откровеннее и сердечнее, радушнее и целеустремленнее... В пустыне спиртное вызывает лишь отвращение. Самое простое животное существование доставляет неизъяснимую радость». Те, кому довелось долго путешествовать в азиатских степях, говорят: «По возвращении мы испытали такое чувство, словно суматоха, шум и суэта цивилизации подавляли и душили нас. Нам не хватало воздуха. Каждую минуту, казалось, мы можем умереть от удушья». Когда я хочу отдохнуть, я иду в самый темный и труднопроходимый лес или на пользующееся дурной славой болото. Я ступаю на него с благоговением, как будто попадаю в святое место, некий *sanctum sanctorum*¹. В нем заключена сила, мозг Природы. Девственная почва заросла чащей. На ней хорошо себя чувствуют как люди, так и деревья. Чтобы быть здоровым, человеку нужно видеть вокруг себя столько же акров лугов, сколько требуется повозок с навозом для его фермы. Луга дают ему хорошую пищу. Спасение города не в его праведниках, а в окружающих его лесах и болотах. В таких местах, где один первобытный лес раскинул свои ветви вверху, а другой первобытный лес гниет внизу, рождаются не только хлеб и картофель, но поэты и философы грядущих веков. Такая почва дала миру Гомера и Конфуция и других философов и поэтов; такая местность была прибежищем реформатора, питавшегося акридами и диким медом.

¹ святая святых (лат.).

Чтобы защитить диких зверей, мы обычно организуем заказник, где они и обитают или куда часто приходят. Так же и с человеком. Сто лет тому назад на улицах продавали кору деревьев, добытую в наших лесах. В самом виде тех древних мощных деревьев было, мне

кажется, что-то дубильное, что закаляло и укрепляло ткани человеческой мысли. Я содрогаюсь при мысли о том, что в жизни моего поселка настанут такие времена, когда мы не сможем набрать и одного воза коры достаточной толщины; уже сейчас мы не производим ни смолы, ни скипидара.

Цивилизованные страны – Греция, Рим, Англия – держались тем, что на их территории некогда росли первобытные леса. Они будут существовать до тех пор, пока почва не истощится. Увы! Человеческая культура такова, что мы не можем ожидать многого от народа, на территории которого истощился растительный покров, и она вынуждена пускаться на удобрение кости своих предков. Там поэту приходится поддерживать себя за счет излишков собственного жира, а философу – за счет собственного костного мозга.

Говорят, что задача американцев состоит в том, чтобы «вспахать целинные земли», и что «сельское хозяйство здесь достигло уже такого уровня, как нигде». Я думаю, фермер вытесняет индейца, осваивает луга и таким образом становится сильнее и в какой-то степени ближе к природе. Я как-то подрядился провести межу длиной примерно метров семьсот шестьдесят. Она прошла через болото, в начале которого можно было бы написать слова, которые Данте прочел над входом в ад: «Оставь надежду всяк сюда входящий» (то есть надежду когда-нибудь выбраться отсюда). Я однажды видел, как мой наниматель провалился по самую шею. Он барахтался в своем болоте, пытаясь выбраться из него, а между тем стояла зима. Было у него еще одно болото, на котором я не мог произвести съемку, так как оно было полностью покрыто водой. Относительно же третьего, которое я мог замерить лишь с большого расстояния, он заметил вполне в соответствии со своими принципами, что ни за что не продаст его, потому что оно богато илом. Он собирался за три года вырыть вокруг него канаву и таким образом осушить его магической силой своей лопаты. Я говорю о нем лишь для того, чтобы привести пример определенного человеческого типа.

Орудия, с помощью которых мы одержали самые блестящие победы и которые нужно передавать как семейные реликвии от отца к сыну, – не меч, не копье, а борона, нож для дерна, лопата и мотыга, на которых кровь многих лугов запеклась ржавчиной, а пыль многих нелегких битв осела грязью при обработке полей. Те самые ветры, которые превращали кукурузные поля индейцев в луга, указывали им направление, которому те не сумели следовать. У них не было иного орудия, с помощью которого они могли бы утвердиться на этой земле, кроме разве раковин морских моллюсков. Фермер же вооружен плугом и лопатой.

В литературе нас привлекает исключительно буйство мысли. Все скучное – лишь иное название для банального. Мы восхищаемся как раз свободным, ничем не скованным полетом мысли в «Гамлете» и «Илиаде», священных книгах и мифах, мысли, не стесненной ограничениями каких-либо школ. Дикая утка быстрее и красивее домашней. То же можно сказать и об оригинальной мысли – этой дикой утке, которая летит над росистой травой, дерзка путь над болотами и топями. Поистине хорошая книга – нечто столь же природное, неожиданное и неизъяснимо прекрасное и совершенное, как дикий цветок, найденный в прериях Запада или джунглях Востока. Гений – свет, который делает зримой тьму, подобно вспышке молнии, способной разрушить даже самый храм знания. Это не слабый огонек,

зажженный в первобытном очаге, который бледнеет перед светом дня.

Английская литература со времен менестрелей до поэтов «озерной школы» (даже Чосер, Спенсер, Мильтон и Шекспир) не создала абсолютно нового и в этом смысле «дикого» стиля. Это, по сути дела, литература воспитанная и смиренная. Она светит отраженным светом Греции и Рима. Для нее дикое место – зеленый лес, а разбойник для нее – Робин Гуд. В ней много искренней любви к Природе, но мало самой Природы. Хроники упоминают о том, когда исчезли ее дикие звери, но в них нет ни слова о том, когда исчезли ее дикари.

Наука Гумбольдта – одно, а поэзия – совсем другое. Современный поэт, несмотря на все открытия науки и на все накопленные человечеством знания, не выше Гомера.

Где та литература, которая отражает Природу? Поэт, как правило, тот, кто может поставить себе на службу ветры и реки и заставить их говорить за него; может закрепить за словами их первоначальное значение, подобно фермеру, который весной загоняет в землю покосившиеся за зиму колышки; придумывает слова так же часто, как использует их, перенося на страницу прямо с приставшей к ним землей; чьи слова столь правдивы, новы и естественны, что они, кажется, распускаются, подобно почкам весной, хотя и лежали полузадушенными между страницами пахнущей плесенью книги, да что там расцветают, они ежегодно дают плоды, которые может вкушать любящий книги читатель, – в полном согласии с законами окружающей Природы.

Я не могу процитировать ни одной поэтической строчки, которая отражала бы эту тоску по дикой природе. Если судить с этой точки зрения, даже самая лучшая поэзия покажется прирученной. Я не знаю, где в литературе – древней или современной – можно найти удовлетворительное описание природы – хотя бы такой, какой знаю ее я. Как вы понимаете, я хочу того, чего литература ни эпохи Августа, ни елизаветинских времен, ни любая другая культура дать не могут. Ближе всего к этому подходят мифы. Насколько богаче была природа, из которой выросла греческая мифология, чем та, из которой вышла английская литература! Мифология – тот урожай, который дал Старый Свет, прежде чем истощилась его почва, прежде чем фантазию и воображение не постигла гибель; урожай, который он все еще приносит там, где его первобытная энергия не ослабла. Все остальные литературы подобны вязам, под сенью которых стоят наши дома; она же подобна огромному драконову дереву на Канарских островах, древнему, как человечество; и сколько бы оно ни просуществовало, это дерево будет жить вместе с ним. Гибель других литератур создает ту почву, на которой мифология растет и развивается.

Запад готовится добавить свои мифы к мифам Востока. Долины Ганга, Нила, Рейна уже дали урожай, теперь остается посмотреть, что дадут миру долины Амазонки, Ла-Платы, Ориноко, реки Святого Лаврентия и Миссисипи. Когда через столетия американская свобода станет мифом прошлого – как она является в какой-то мере фикцией настоящего, – поэты мира, возможно, будут вдохновляться американской мифологией.

Самые безумные фантазии неистовых по натуре людей могут не прийтись по вкусу большинству сегодняшних англичан и американцев, но от этого они не станут менее истинными. Не всякая истина по вкусу здравому смыслу. Но в природе есть место как для

дикорастущего ломоноса, так и для капусты. Одни истины наводят нас на воспоминания, другие всего лишь «разумны» (как теперь принято говорить), третьи же являются пророческими. Некоторые болезненные формы могут предвещать формы здоровые. Геологи обнаружили, что змеи, грифоны, летающие драконы и другие фантастические существа из арсенала геральдики имели прототипы в живой природе, дошедшие до нас в виде окаменелостей; они вымерли до того, как произошел человек, и, таким образом, «указывают на смутное знание предшествующего состояния органической жизни». Индусы считали, что земля стоит на слоне, слон на черепахе, а черепаха на змее. Уместно, по-видимому, заметить – хоть это совпадение и не имеет большого значения, – что в Азии недавно нашли ископаемую черепаху столь огромного размера, что она могла бы выдержать слона. Признаюсь, я неравнодушен к этим фантастическим легендам, которые преодолевают границы времени и пространства. Они являются самым возвышенным видом отдыха для интеллекта. Куропатка любит горох, но не тот, вместе с которым ее кладут в суп.

Короче говоря, все хорошее в этом мире дико и свободно. Есть что-то неизъяснимо прекрасное в мелодии, которую издает музыкальный инструмент или человеческий голос. Возьмем, к примеру, рожок. Его звуки летней ночью своей природной естественностью напоминают мне (я говорю это совершенно серьезно) крики, издаваемые в лесу дикими животными. Это есть выражение их природной естественности, которое я могу понять. Пусть моими друзьями и соседями будут люди дикие, необузданные, а не скучные или пассивные. Дикость дикаря – всего лишь символ той величественной естественности, которая проявляется при встрече людей добрых или любовников.

Я люблю смотреть на то, как домашние животные вновь утверждают свои права. Мне нравится любое свидетельство того, что они не совсем утратили свои первобытные дикие инстинкты и свою силу. Так, ранней весной соседская корова убегает с пастбища и смело пускается вплавь по холодным, свинцовым водам реки, вздувшейся от растаявшего снега и разлившейся метров на сто пятьдесят. Эта корова напоминает мне буйвола, переplывающего Миссисипи. Ее побег придает в моих глазах больше достоинства стаду в целом. Семена инстинкта дремлют под толстой кожей коровы или лошади, подобно семенам в недрах земли, в течение неопределенного времени.

Любая игривость у скота кажется неожиданной. Однажды я наблюдал за стадом из десятка бычков и коров. Они прыгали и неуклюже резвились и были чем-то похожи на огромных крыс или даже котят. Они мотали головами, крутили хвостами, бегали вверх и вниз по склону холма, и по их повадкам я понял, что это рогатое стадо приходится родней стаду оленей. Но, увы! Достаточно было резкого окрика, чтобы от их игривости не осталось и следа; из оленины они мгновенно превратились в говядину, а их мышцы и бока словно окаменели, как и сами животные. Кто, как не Дьявол, окликнул человечество? Да, жизнь крупного рогатого скота, как и жизнь многих людей, есть лишь форма передвижения. Они двигают сначала один бок, потом другой, а человек – в силу своей конституции – уступает лошади и волу. Та часть тела, которой коснулся кнут, остается парализованной. Мы говорим «говяжий бок», но кому придет в голову сказать «бок» по отношению к любой разновидности ловкого кошачьего племени?

Радостно сознавать, что прежде чем лошади и быки становятся рабами на службе у человека, их приходится укрощать, да и человеку-то нужно перебеситься, прежде чем он станет послушным членом общества. Не все люди, разумеется, одинаково легко приобщаются к цивилизации. И если большинство, подобно баранам или собакам, по самой природе своей смирно, этого еще недостаточно, чтобы укрощать других и стричь всех под одну гребенку. В сущности, люди похожи друг на друга, но созданы они были разными, чтобы существовало многообразие. С выполнением какой-либо несложной работы может справиться практически любой. Если же стоит задача высокой сложности, необходимы индивидуальность и высокое мастерство. Любой может заткнуть дырку, чтобы в нее не дуло, но мало кто способен сделать то, что сделал Конфуций, сказавший: «Шкуры тигра и леопарда, если их выдубить, похожи на дубленые шкуры собаки или овцы». Подлинная культура, однако, состоит не в том, чтобы укрощать тигров или внушать боевой дух баранам. Пустить дубленые шкуры тигров на изготовление обуви – не самое лучшее, что можно сделать с тиграми.

Когда я просматриваю списки имен на иностранном языке – скажем, списки офицеров или же авторов, которые писали на определенную тему, – я еще раз убеждаюсь, что в имени самом по себе смысла нет. Имя Меншиков для меня не ассоциируется с человеком, оно могло бы принадлежать и крысе. Как мы воспринимаем польские и русские имена, так и они воспринимают наши. Им словно давали имена из детской считалочки: «Иери виери ичери ван, титл-тол-тан». Я представляю себе, как огромное стадо диких животных разбрелось по земле и каждому из них пастух присвоил какую-то кличку на своем варварском наречии. Конечно, людские имена так же обыденны и бессмысленны, как и клички собак, скажем, как Боз или Трей.

Наука только выиграла бы, мне кажется, если бы людям давали имена скопом. Тогда, чтобы узнать одного, необходимо было бы знать только биологический род и, возможно, породу или расу. Нам трудно поверить, что каждый солдат римской армии имел свое имя, – именно потому, что мы никогда не задумывались над тем, что у него была своя индивидуальность. В настоящее время единственными подлинными именами являются клички. Я знал мальчика, которого товарищи звали Заводилой из-за присущей ему энергии; кличка эта вполне естественно заменила его христианское имя. В записках путешественников мы читаем, что индеец при рождении не получал имени; он должен был его заслужить. Имя отражало его доблестные дела. В некоторых племенах индейцы получали новое имя всякий раз, когда они совершали какой-нибудь героический поступок. Жалок тот, кто не заслужил себе ни имени, ни славы, кто носит имя, полученное ради удобства.

Одно лишь имя, само по себе, не заставит меня уважать человека. Несмотря на имена, люди представляются мне неразличимой массой. Пусть имя мне знакомо, но человек от этого не станет ближе и понятнее. Оно может принадлежать дикарю, который втайне носит свое дикарское прозвище, полученное в лесу. В каждом из нас сидит дикарь, и, возможно, дикарская кличка записана где-то за нами. Я вижу, как мой сосед, который носит знакомое имя Уильям или Эдвин, снимает его вместе с курткой. Оно не пристало ему, когда он спит или разгневан, когда им владеет страсть или вдохновение. В такие моменты мне слышится, будто кто-то из его родни произносит его подлинное дикарское имя на каком-то грубом или, наоборот, мелодичном языке.

Вокруг нас привольно раскинулась дикая, издающая тревожные звуки праматерь наша Природа, такая же красивая и так же нежно относящаяся к своим детям, как самка леопарда. Но нас слишком рано отняли от ее груди и поместили в общество, в эту культуру, которая представляет собой исключительно взаимодействие человека с человеком, что-то вроде заключения браков между родственниками, продуктом чего в лучшем случае является английская аристократия, цивилизация которой обречена на скорое вырождение.

В обществе, в лучших человеческих институтах легко различить черты слишком раннего развития. В то время, когда мы должны еще быть детьми, мы уже являемся, по сути дела, маленькими взрослыми. Я за такую культуру, которая предполагает вывоз большого количества перегноя с лугов и унавоживания почвы, а не делает ставку на теплицы, усовершенствование орудий труда и способов обработки полей.

Сколько несчастных студентов из тех, о ком мне приходилось слышать, гораздо быстрее развилось бы физически и интеллектуально, если бы они вместо того, чтобы допоздна сидеть над книгами, портя себе глаза, спокойно спали бы сном праведников.

Иногда света бывает слишком много, даже того, что несет нам знание. Француз Ньепс открыл явление так называемого актинизма, то есть способность солнечных лучей вызывать химические изменения. В солнечную погоду они оказывают «в равной степени разрушительное влияние» на гранитные скалы и камни, на отлитые из металла статуи, которые «давно исчезли бы с лица земли в результате едва ощутимого воздействия этой самой неуловимой из сил вселенной, если бы не столь же удивительная хитрость природы». Но он заметил, что «те тела, которые претерпели эти изменения днем, обладают возможностью восстанавливать свое прежнее состояние ночью, когда на них больше не действует это возбуждение». Отсюда следует вывод о том, что «и темные часы суток столь же нужны неорганической природе, как ночь и сон нужны органическому царству». Даже луна не светит каждую ночь, а уступает место темноте.

Я не сторонник того, чтобы развивать каждого человека или каждый его орган, равно как и того, чтобы культивировать каждый клочок земли: какая-то часть земли должна быть занята пашней, но большая часть – лугами и лесами, которые не только полезны нам сегодня, но готовят почву для отдаленного будущего: растущая на них трава, увядая, образует перегной.

Ребенок должен выучить не только те буквы, что изобрел Кадм. У испанцев есть хороший термин для выражения этого природного и смутного знания – Gramatica parda, то есть исконная грамматика, нечто вроде той мудрости, унаследованной от леопарда, о которой я уже говорил.

Мы слышали об Обществе по распространению полезных знаний. Говорят, знание – сила, и прочее в том же духе. А мне кажется, есть необходимость создать Общество по распространению полезного невежества, которое мы назовем Прекрасным Знанием, то есть знанием, полезным в самом высоком смысле. Ибо что такое большая часть нашего так называемого знания, коим мы столь гордимся, как не самомнение? Мы считаем, что что-то знаем, и это лишает нас преимущества нашего фактического невежества. То, что мы

называем знанием, зачастую является невежеством в полном смысле слова, в то время как невежество есть лишь отсутствие знания. В течение долгих лет упорного труда и чтения газет – ибо что такое наши библиотеки научного знания, как не собрание газетных подшивок? – человек накапливает огромное количество фактов, откладывая их в памяти. И вот, когда в одну из весен своей жизни ему случается забрести в Великие поля мысли, он, так сказать, пасется там на траве, подобно лошади, оставив свою упряжь в конюшне. Обществу по распространению полезных знаний я сказал бы так: попаситесь иногда на травке. Вы слишком долго питались сеном. Пришла весна, покрывшая землю зеленым ковром. Даже коров выгоняют на зеленые пастбища в конце мая. Правда, до меня дошло, что один ненормальный фермер круглый год держал корову в коровнике и кормил ее сеном. Так же и Общество по распространению полезных знаний часто содержит свой скот.

Человеческое невежество иногда не только полезно, но прекрасно, а так называемое знание зачастую бесполезно, если не сказать хуже. Кроме того, оно безобразно. С кем лучше иметь дело – с человеком, который ничего не знает о данном предмете и, что особенно редко, знает, что он ничего не знает, или с тем, кто действительно знает о нем нечто, но думает, что знает все?

Желание увеличить свои познания у меня возникает периодически, а мое желание окунуться с головой в сферы, незнакомые моим стопам, вечно и постоянно. Высшее, чего мы можем достигнуть, – — это не знание, а стремление к познанию. Я не думаю, что высшее знание сводится к чему-то более определенному, нежели необычное и прекрасное чувство удивления, которое мы испытываем, когда нам внезапно открывается недостаточность всего того, что мы доселе называли знанием, когда мы обнаруживаем, что и в небе, и в земле сокрыто больше, чем снится нашей мудрости. Знание есть озаренный солнечными лучами туман. Нельзя знать больше этого, так же как нельзя спокойно и не щурясь смотреть на солнце, 'IV ti pown, ou seipon pohseV» – «Ты не поймешь этого так, как понимаешь частности», – говорили халдейские оракулы.

Есть что-то недостойное в том, чтобы добиваться принятия закона, которому можно было бы повиноваться. Мы можем изучать законы материи для собственной пользы и когда нам это удобно, но настоящая жизнь не знает закона. Вряд ли можно назвать счастливым открытие закона, связывающего нас там, где мы до сих пор считали себя несвязанными. Живи свободно, дитя тумана! В том, что касается знания, все мы – дети тумана. Человек, который осмеливается жить, ставит себя выше законов в силу своего родства с их творцом. «Тот долг побуждает нас к действию, – говорится в Вишну-Пуране, – который не является для нас оковами; лишь то является знанием, что служит нашему освобождению; все остальные обязанности приносят нам лишь усталость; все остальное знание – лишь ловкость лицедея».

Удивительно, как наши истории бедны событиями или кризисами, как мало тренирован наш ум, сколь беден наш жизненный опыт. Я готов поверить, что расту быстро и буйно, и пусть мой рост потревожит это серое спокойствие, пусть мне придется пробиваться сквозь долгие, темные, удушливые ночи и периоды отчаяния. Хорошо бы, чтобы жизнь наша была пусть даже божественной комедией, но только не жалким фарсом. По-видимому, Данте, Бэньян и другие тренировали свой ум гораздо больше, чем мы. Они испытывали воздействие такой культуры, о которой в наших местных школах и колледжах даже не подозревают. В

жизни (да и в смерти) Магомета было гораздо больше смысла, чем обычно бывает в жизни многих из тех, кого имя его может привести в ярость.

В тех редких случаях, когда человека посещает мысль (предположим, он в это время идет вдоль насыпи железной дороги), он не слышит, как мимо него проносятся вагоны. Но скоро, согласно неумолимому закону, наша жизнь проходит, а вагоны возвращаются.

“ Ветер, который повсюду гуляет,
На бурной Лауре репейник склоняя, —
Странник, пришедший из горных ущелий, —
Что ж твоих песен не слышу уж я?

В то время как почти все люди ощущают силу, влекущую их в общество, мало кто испытывает сильную тягу к Природе. Мне представляется, что в отношении к Природе люди, несмотря на всю их культуру, большей частью стоят ниже животных. Их отношение к Природе, в отличие от животных, редко бывает прекрасным. Как мало мы ценим красоту пейзажа! Нам нужно напоминать, что греки называли мир словом Kosmos что значит «Красота», или «Порядок», но нам не совсем ясно, почему они так говорили. Мы в лучшем случае считаем это филологическим курьезом.

Что касается меня, полагаю, что по отношению к Природе я живу жизнью пограничной, где-то на окраине мира, в который я совершаю лишь случайные и короткие вылазки, и мой патриотизм и верность государству, на чью территорию я, кажется, отступаю, подобны приверженности к патриотизму разбойника шотландской границы. Я охотно последую за блуждающим огоньком через самые невообразимые топи и болота, чтобы вести жизнь, которую я называю естественной; но ни луна, ни светлячок не показали мне, где та гать, которая к ней ведет. Природа – существо столь универсальное и огромное, что нам не удалось еще полностью разглядеть ни одной ее черты. Когда гуляешь по знакомым полям, простирающимся вокруг моего родного городка, обнаруживаешь иногда, что забрел совсем не в те земли, которые описаны в документах на право владения, и чувствуешь, словно гуляешь в далеком поле, на границе реального Конкорда, где юрисдикция его кончается и где нам больше не приходит в голову мысль, на которую наводит слово Согласие¹. Земли ферм, которые я сам обмерял, межевые столбы, которые установил, смутно выступают из тумана, и нет такого химического состава, который мог бы закрепить их образ; они исчезают с поверхности стекла, а под ним смутно проступает картина, нарисованная художником. Привычный, знакомый нам мир не оставляет следа, и мы не будем отмечать его годовщины.

¹ Concord – согласие, гармония (англ.).

На днях я гулял в окрестностях фермы Сполдинга. Я видел, как садящееся солнце осветило впереди величественный сосновый лес. Его золотые лучи падали на просеки, как на покои какого-то великолепного чертога. У меня было такое чувство, словно некое удивительное и блестящее семейство из древнего рода поселилось там, в той части страны, которую мы называем Конкорд и которая неизвестна мне; слугой их было солнце – они не ходили в гости в поселок – и к ним никто не приходил в гости. Я видел их парк, площадку для игр там, за

лесом, на клюквенном болоте, принадлежащем Сполдингу. Сосны, подрастая, служили им коньками крыши. Их дом был невидим для глаза, сквозь него росли деревья. До меня доносились звуки сдержанного веселья, а может быть, они мне только слышались. Солнечные лучи, казалось, служат им опорой. У них есть сыновья и дочери. И они вполне здоровы. Проложенная фермером дорога, которая ведет прямо через их чертог, совсем им не мешает. Так иногда грязь на дне лужи видна сквозь отраженные ее поверхностью облака. Они никогда не слышали о Сполдинге и не подозревают, что он живет по соседству с ними. Но я слышал, как он присвистнул, когда гнал свою упряжку через их дом. Ничто не может сравниться с безмятежностью их жизни. Их герб – простой лишайник. Я видел его на соснах и дубах. Их чердак – в верхушках деревьев. Политикой они не занимаются. Я не слышал шума трудовой деятельности, не видел, чтобы они ткали или пряли. И все же, когда улегся ветер и слышно было хорошо, я различил тончайший, сладостный, музыкальный гул, подобный тому, который доносится от далекого улья в мае. Возможно, то был звук их дум. У них не было праздных мыслей, и никто посторонний не мог видеть результатов их труда, потому что он не оставлял узлов или наростов.

Однако мне трудно вспомнить их. Их образ неуловимо исчезает из моей памяти даже теперь, когда я говорю и пытаюсь воскресить их в своем воображении и припомнить свои лучшие мысли. И только после упорных и долгих усилий я снова ощущаю их присутствие. Если бы не семейства, подобные этому, я бы, наверное, уехал из Конкорда.

Мы, в Новой Англии, обычно говорим, что к нам прилетает мало голубей и что с каждым годом их становится все меньше. В наших лесах для них нет корма. Таким же образом обстоит дело с каждым взрослым человеком: его посещает мало мыслей, и с каждым годом их становится все меньше и меньше, так как роца нашего ума вырубается: ее продают на корню, чтобы поддержать никому не нужное пламя честолюбия, или же пускают в переработку на фабрику, где от нее не остается ни сучка, на котором могли бы примоститься мысли. Они больше не вьют у вас гнезд и не выводят птенцов. Может статься, в какое-то более благоприятное время над ландшафтом ума промелькнет легкая тень крыльев какой-нибудь мысли, держащей путь на юг осенью или на север весной, но, взглянув вверх, мы не можем уловить суть самой мысли. Наши крылатые мысли оборачиваются домашней птицей. Они не взмывают ввысь и могут сравниться лишь с великолепием кур шанхайской породы или кохинхов. А еще говорят: «Эти вели-и-кие мысли, эти вели-и-кие люди!»

Мы держимся земли и редко совершаем восхождения. Мы могли бы, кажется, возвыситься немного больше. Влезть на дерево по крайней мере. Однажды я забрался на дерево не без пользы. То была высокая сосна, стоявшая на вершине холма, и, хотя я весь выпачкался в смоле, я ничуть не пожалел об этом: моему взору открылось гораздо больше земли и неба, а на горизонте я обнаружил неведомые горы, которых прежде никогда не видел. Я мог бы бродить возле дерева хоть семь десятков лет, но ничего этого не увидел бы. Но кроме всего прочего, я обнаружил – а дело было в конце июня – на кончиках самых верхних ветвей несколько очень мелких и нежных красных цветков, похожих на шишки. То был обещающий плод цветок сосны, обращенный к небу. Я сорвал самую ее макушку и отнес в поселок, где показал незнакомым мне членам суда присяжных, которых я встретил на улице (дело было в ту неделю, когда заседал суд), а также фермерам, торговцам лесом, лесорубам и

охотникам. Ни один из них не видел раньше ничего подобного, и они смотрели на нее как на чудо. А еще говорят, что в древности архитекторы отделяли верх колонн так же тщательно, как расположенные ниже части, которые лучше видны! Природа с самого начала устроила так, что мелкие цветки деревьев распускались в сторону неба, высоко над головами людей, недоступные их взгляду. Мы видим только те цветы, что растут в полях, у нас под ногами. Нежные цветки сосен распускались на самых верхних ветках каждое лето в течение многих веков, высоко над головами краснокожих детей Природы, равно как и ее белых детей. Но вряд ли хоть один фермер или охотник в этой стране когда-либо видел их.

Главное, мы не можем позволить себе не жить настоящим. Благословен тот, кто в отличие от всех прочих смертных не теряет ни минуты быстротекущей жизни на воспоминания о прошлом. Если наша философия не слышит кукареканья петуха в каждом птичьем дворе, расположенном в ближайшей округе, она устарела. Этот звук обычно напоминает нам, что мы становимся старомодными и отстаем от жизни – как в наших занятиях, так и в образе мыслей. Его философия относится к более близкому времени, чем наша. Она наводит на мысль о чем-то, что представляет собой более новый завет – евангелие настоящего момента. Он не отстал от жизни, он проснулся рано и рано принялся за дело; быть там, где он, – значит быть всегда в хорошей форме, в самых первых рядах времени. Это выражение здоровья и неиспорченности Природы – на зависть всему миру. Так бывает здоров бьющий родник, этот новый источник муз, который призван восславить каждое мгновение времени. Там, где он живет, не принимают законов о беглых рабах. Кто не предал своего хозяина много раз, после того как услышал этот звук последний раз?

Пение этой птицы обладает тем достоинством, что в нем нет заунывности. Певцы легко могут вызвать у нас слезы или смех, но кто может вселить в нас чистую радость утра? Когда в горьком унынии, нарушая торжественную тишину воскресного утра или молчание собравшихся у гроба в доме, где кто-то умер, я шагаю по деревянному настилу тротуара и слышу вдруг рядом или вдалеке пение петуха, я говорю про себя: «Вот по крайней мере один из нас не унывает». И внезапно встряхнувшись, я прихожу в хорошее расположение духа.

Однажды в ноябре прошлого года я наблюдал необыкновенный закат. В конце холодного серого дня я шел по лугу, где течет небольшой ручей; солнце, прежде чем сесть, выкатилось наконец на чистую полоску вечернего неба, и необыкновенно мягкий, яркий утренний луч осветил сухую траву и стволы деревьев на далеком горизонте, листья кустарника на склоне холма, далеко отбросил наши тени, которые легли через весь луг в сторону востока, как будто мы были единственными пылинками в его лучах. То был свет, который невозможно было себе представить еще минуту назад, а воздух был так тепел и тих, что ничто не мешало нам вообразить себя в раю. Но когда мы подумали, что это был не единственный вечер, что так будет повторяться без конца в течение бесчисленных вечеров, что каждый прошедший здесь ребенок будет радоваться и успокаиваться, он показался нам еще более удивительным.

Солнце садится на уединенный луг, где не видно человеческого жилья, и изливает на него весь тот блеск и великолепие, которое столь щедро расточает городам. Возможно, так оно еще никогда не садилось. Там летает одинокий болотный ястреб, чьи крылья золотит

солнце, ондатра выглядывает из своего домика, посреди топи там тянется темной жилкой ручеек, он только начинает извиваться, полого огибая гнилой пень. Мы шли в таком чистом, ясном свете, золотившем пожухлую траву и листья, таком мягком и безмятежно-прозрачном, и я подумал, что никогда еще не окунался в такой золотой поток, на поверхности которого не было ни морщинки, журчания которого не было слышно. На западе каждая рошица, каждый пригорок светились отраженным светом, как ворота рая, а солнце за нашими спинами казалось добрым пастухом, который гнал нас ввечеру домой.

Так мы идем в Святую землю, и, возможно, однажды солнце засияет ярче, чем раньше, прольет свой свет в наши умы и сердца и осветит всю нашу жизнь великим светом пробуждения, таким ровным и золотистым, каким осенью оно освещает речной берег.

Перевод Э. Ф. Осиповой

Версия #2

Зверобой создал 23 июня 2025 21:17:24

Зверобой обновил 23 июня 2025 21:23:58